

СОН НА СИРИЙСКОЙ ВОЙНЕ

В тёмной долине Ливана
светятся вдоль шоссе
трактирчики и дуканы,
церквушки и медресе.

Ближневосточной сказкой
ошеломлён слегка,
через Ливан к Дамаску
еду, как сквозь века.

На Средиземном море –
воистину средь земли –
стояли тогда в дозоре
русские корабли.

Вот и сошёл по сходням
с крейсера я вчера:
мне ведь уже сегодня
явиться к послу пора.

А из Латакии ехать
ближе через Ливан –
граница ещё не помеха
для ближневосточных стран.

В шашлычной опохмелился,
в дукане купил штаны...
Как долго тот путь мой длился! –
от сказки и до войны.

ВОЗВРАЩЕНИЕ С НЕБА

Мы выходили на глиссаду,
как все большие корабли,
и штурман прокричал: – Не надо!
А командир сказал: – Рули...

Я взял штурвал – второй, что справа,
где место уступил пилот.
Спасай меня, моя Держава:
ведь разобью же самолёт.

Вниз от себя, чего уж проще,
подать штурвал, затем опять...
Пусть полоса вдали, как площадь,
не мал и «Ту-95».

Приборы ультрафиолетом
таинственно освещены,
рисую линию при этом
неравномерной крутизны.

Мне за неё держаться нужно,
а я штурвал с трудом держу,
толкаю вниз его натужно
и за глиссадой не слежу.

Перехвативши управленье,
вмешался в дело командир.
И в это чудное мгновенье
вновь устаканился мой мир.

У каждого своя работа,
свои силёнки, свой удел –
из кресла правого пилота
я это чётко разглядел.

АЭС

На юго-запад от селенья
верстах примерно в сорока –
куполовидное свечение,
мерцающие облака.

Чем ночь темней, тем различимей
над горизонтом дальний свет.
Увы, загадочной причины
в его происхожденье нет.

Давно читателя знакомлю
с безлюдной глушью, где живу,
но город атомный, Удомлю,
я тоже вижу наяву.

Да, это там, в Удомле этой
гнездо Калининской АЭС;
рванёт она – и нет планеты,
по крайней мере, здешних мест.

Там сплошь реакторы, турбины,
насосы и прожектора, –

ну, в общем, веские причины,
чтобы светиться до утра.

Да здравствует наш мирный атом!
Я хорошо о нём сужу,
хоть был в Чернобыле треклятом,
а также там, где не скажу.

Не злюсь на противостоянье
прогресса и тверской глуши.
Взрывоопасное сиянье
необходимо для души.

Смотрю с крыльца на юго-запад,
пусть всё вершится в свой черёд.
Какой под утро нежный запах! –
В саду черёмуха цветёт.

ВОЛКИ

Не хочу забывать эти горькие дни
с их смертельной взрывчатой болью.
Даже волки бежали тогда из Чечни
к Бузулуку, на Дон, в Ставрополье.

Волки выли в горах, мы дошли до высот,
разгоняя огнём всё живое
и не ведая, чем завершится поход
среди свинцового лая и воя.

Были волки худы, с рыжиной по бокам,
а враги были чернобороды.
Мы служили тогда слишком разным богам,
но мы были единой породы.

Волки раньше людей отступили на Дон,
оглушённые грохотом боя,
где сражались чеченский и наш батальон,
побратавшись кровавой судьбою.

Брат, нас боги рассудят, им сверху видней,
как мы бьёмся до смертного пота.
Те, кто выжил, пускай до скончания дней
помнят, что не сдаётся пехота.

Чья пехота, не важно. Да пусть хоть ничья.
Наплевать нам на клички и толки.
Ведь не воду, а кровь пили, брат, из ручья
мы в горах, что покинули волки.